Татьяна **КОПЫЛОВА**

«ДЯДЬ ЛЕКСЕЙ, СЛЫХАЛ? ЮРКА-ТО ТВОЙ...»

Лётчик-космонавт СССР Ю. А. Гагарин в кабине самолёта во время возвращения в Москву. 14 апреля 1961 г. Фотограф В. Тарасевич. РГАКФД. Арх. № 0-320730.

Я тогда работала в газете «Пионерская правда».

О полёте мир узнал 12 апреля 1961 года в 11 часов утра.

А я хочу начать не с одиннадцати часов, а часом раньше. Итак, в десять часов (кстати, спустя почти пятьдесят минут после старта, что ушли на согласования) все радиостанции страны прервали вещание, чтобы сообщить, что в Советском Союзе выведен на орбиту вокруг Земли первый в мире космический корабль-спутник «Восток» с человеком на борту.

Советские люди шестидесятых интересовались космическими делами не менее, чем нынешняя молодёжь модными музыкальными группами, особенностями быта эстрадных «звёзд» или многомиллионными гонорарами спортсменов.

Люди, услышав, что «полёт продолжается», сразу поняли, что говорить о победе рановато. Ранее сообщалось о первых запусках, о том, что из пяти два закончились катастрофой. (Ещё два полёта из этой программы, завершившиеся взрывами на Земле, строго засекретили. Иначе статистика выглядела бы особенно тревожной: из семи полётов только три удачных)

Потому-то самое первое, десятичасовое сообщение вызвало вовсе не радость. Оно было как Весть, как Знамение, как Предчувствие. В дома грозно вошла тревога. И люди замерли у радиоприёмников, стараясь и боясь представить, что происходит с ним, сыном Земли, наверху — в космической черноте и непредсказуемой неизвестности. Нет, это не было хрестоматийным «тревожным ожиданием» с закушенными губами, нервным выкуриванием папирос и сигарет, напряжёнными хождениями по комнатам. Люди продолжали свои дела, но обострённый слух ловил сообщения с орбиты: раз есть вести, значит, полёт продолжается!

Мы не то что говорить — думать себе запрещали об ином, кроме благополучного, развитии событий. Не паниковать, не сомневаться! Чтобы не накликать беду! Мы были не просто зрителями подвига, а как бы участниками события, этого великого исторического эксперимента. Участвовали своими переживаниями, своим сочувствием, своими мыслями, своими молитвами. Именно в те часы сопереживания Юрий Гагарин стал близок и дорог миллионам советских людей, стал горячо любим.

Только после сообщения о благополучном приземлении отпустил сжимавший сердца ужас. Жив! Вернулся! Свершилось! Полёт завершён! Тогда и начался тот известный стихийный праздник, который известен по множеству воспоминаний и фотографиям, кадрам кинохроники.

В нахлынувших тогда радостных чувствах сплелись гордость за Советскую Родину, за достижения нашей науки и за этого Человека. Ликование невозможно было удержать. Радость звала к действию. Кто-то, наскоро намалевав плакаты, выбегал на улицы; молодые и не совсем молодые люди затевали на площадях концерты. Возникали стихийные демонстрации: колонны, шеренги, украшенные самодельными лозунгами и транспарантами, куда-то двигались. Отовсюду звучали песни, которые с энтузиазмом горланили люди на улицах.

Мы в редакции, откричав и коротко отпраздновав, приступили к делу: стали распределять, кто, куда поедет за материалами о Гагарине. Нам с Галей Юркиной выпала командировка в места, где космонавт родился, где учился, где в годы войны был в оккупации, откуда уехал в Люберецкое ремесленное училище, а именно в Гжатск. Важнейшим аргументом был мой водительский опыт. И хоть он исчислялся месяцами, мы с Галиной уверяли: «Да доедем, да вернёмся к утру, да напишем очерк в следующий номер».

Сказать было легко, а на деле... Не существовало ни Интернета с его подсказками, ни атласов автомобильных дорог, да и водителей в редакции не было, так что указать дорогу было некому. Кто-то сказал, что в Гжатск ездят с Белорусского вокзала, а нам, стало быть, от Вокзальной площади и далее. Слава Богу, что один из шофёров издательства сориентировал: «Прямо по Кутузовскому проспекту, вперёд и вперёд... Далеко ли? Да, пожалуй, более ста километров».

Эти «сто» на деле удвоились. Основной тракт на запад ничем не отличался от советских дорог 1960-х годов и требовал от водителя абсолютного внимания, чтобы не попасть в весеннюю промоину, глубокую яму. По сторонам мог смотреть только мой штурман. Галя-то и сообщала названия населённых пунктов, цифры километровых столбов, да и впечатления. Тут, в отдалении от Москвы, люди тоже устраивали демонстрации, украшали свои деревенские дома флагами, приветливо махали руками. Время от времени Галина удивлённо вскрикивала: «Пьяных нет! Вот здорово!»

К повороту на Гжатск мы добрались после обеда. А там наша машина поехала по большаку, плюхаясь из лужи в лужу, по улицам городка, в конец Ленинградской, к небольшому деревенскому домику. Подъехали вслед за «газиком», из которого вылез немолодой человек и усталой походкой вошёл в дом. Мы последовали за ним и увидели, как его сразу обступили находившиеся в избе люди. Деревенская «зала» по тем временам была немаленькая: стол, свисающая над ним лампа в кружевном абажуре, лавки, бóльшую часть комнаты занимала уютная русская печь. В доме было столько народу, сколько он мог вместить. Приехавший прошёл в красный угол. Ему не дали перевести дух, обступили, спрашивали, тянули микрофоны: «Расскажите, как рос Юрий!» Видно было, что непривычно человеку от такого внимания. Он односложно отвечал: «Рос обыкновенным мальчишкой. Был как все».

Послушали мы ответы Алексея Ивановича (а это был отец космонавта), поговорили с одним-другим из местных. Было сумбурно, радостно, сбивчиво. Я вышла на крылечко, там стоял темноволосый невысокий молодой человек. «А Вы знаете Юрия Гагарина?» — «Знаю». Я продолжала расспросы. «Как Вас зовут?» — «Борис». — «А фамилия?» — «Гагарин».

Так мы познакомились с младшим братом космонавта. Как же он помог нам! Борис оказался внимательным, добрым человеком и хорошим организатором. Он тут же

стал приглашать одного, другого из присутствующих: свою старшую сестру Зою, брата Валентина, племянников, одноклассника Юрия — Пашу Дёшина, учительницу Елену Федоровну Лунову. «Надо помочь корреспондентам «Пионерки!» — говорил Борис, и они вместе припоминали и рассказывали. И вырисовывался эпизод за эпизодом.

Как в дни оккупации вселившийся в их дом в деревне Клушино эсэсовец Альберт решил развлечься, подвесив за шарфик шестилетнего Бориса, чтобы полюбоваться его судорогами, как отбили малыша мама и Юрка, как на другой день Юра сломал в отместку мотоцикл Альберта. Тот догадался, и брат долго прятался на другом конце деревни.

Как после освобождения в конце войны копали огород, и Юра, чтобы убыстрить дело, нашёл плуг, но сдвинуть его мальчишкам было не под силу. Отец, который в то время работал в военной части в Гжатске, пришёл в Клушино, наладил борону. Впрягались мама и по очереди один из сыновей, а правил другой. Так и подняли землю.

Как вместе с другими деревенскими мальчишками устраивали на улице бои с настоящими взрывами: гранат и снарядов было по огородам полно. Однажды вернулись братья домой закопчённые. Тогда мама, подозвав старшего из них, обняла и проговорила: «Пойми, ведь нельзя! Горя и без того у нас хватает». Не разъясняла, но мальчики знали, о чём речь: ничего не было известно о судьбе угнанных в Германию Зои и Валентина. И Юра тихо ответил: «Обещаю. Больше никогда такого не повторится». Обещание сдержал, смог удержать и других ребятишек от опасных игр. В Клушине от взрыва не пострадал ни один ребёнок.

Борис припомнил, как в 1946 году Гагарины переехали в Гжатск. Строили дом всей семьёй, никто не отлынивал от тяжёлой работы. А мальчишки выкраивали время и для общественной работы: всей школой выходили сажать деревья, уничтоженные войной, расчищали от завалов улицы.

Паша Дёшин напомнил, что Гагарин всегда был отличником. «Для него важны были не только собственные пятёрки, но и успехи друзей. Когда я пропустил из-за тяжёлой малярии несколько месяцев и речь шла о второгодничестве, он вытянул меня на хорошую успеваемость».

Елена Федоровна Лунова с дотошностью учительницы подчёркивала: «Ничем не отличался Юра? Отличался! Он умел прочувствовать боль другого человека. Однажды запустил из окна построенную модель самолёта. А она возьми да упади на прохожего. Я, конечно, вызвала озорника в учительскую. Он не только уговорил пострадавшего... Когда тот ушёл, Юрик просил меня не сообщать маме, у неё, мол, и без того тяжко на душе. Обещал впредь грубо не шалить. Не припомню, чтобы он когда-либо не сдержал слова».

...Мы беседовали и беседовали. В разговоре выяснилось, что мамы в Гжатске нет, так как, едва услышав о полёте, Анна Тимофеевна бросилась на вокзал, чтобы ехать на Чкаловскую — к жене Юры Валентине и детям. «Даже переодеться не успела, — говорил Борис, — как была в халате и домашних тапках, так и побежала, только и успела телогрейку набросить».

Расспросили мы и об Алексее Ивановиче: почему он с таким упорством повторяет, что Юра был как все? А ведь выяснилось, что много в нём было особенного. Боря искренне засмеялся: «Так это отец воспитательную работу продолжает. Нам всё время повторял, чтобы не выпячивались, не зазнавались. За любую нескромность наказывал, постарше стали — высмеивал».

В тот день нам не удалось узнать, как провёл 12 апреля отец космонавта. А было бы о чём рассказать. Особенно красочно и точно живописала мне потом этот день Анна Тимофеевна. Собрала она мужа на работу в родное Клушино: там был заказ на строительство дома — на халтуру, как принято было выражаться.

Вышел Алексей Иванович рано, по холодку шагалось легко, дорога была ровная, морозом вымощенная. Скоро дошёл до села Ашкова, перед Трубином миновал речку, а там знакомый перевозчик его спрашивает:

— Алексей Иванович! Не твой ли сын сейчас в космосе летает? Сообщение ТАСС по радио передали. Сказали: пилотирует майор Гагарин.

— Нет, не мой сын. Мой — старший лейтенант.

— Так имя-отчество совпадают. Юрий Алексеевич.

— Мало ли на свете Гагариных Юриев Алексеевичей?

Вынули мужики заботливо положенную Анной Тимофеевной чекушку, разлили по стаканчикам, чокнулись за здоровье и удачу высоко летающего майора, выпили, поднял Алексей Иванович свой плотницкий ящик и зашагал в Клушино.

Ещё час пути оставался. Дошёл, а в родном селе, кажется, все жители на улицы высыпали. Соседка подбежала:

— Дядь Лексей, слыхал? Юрка-то, видать, твой. По радио сейчас говорили.

Он с укором посмотрел на людей.

— Да опомнитесь! Мой-то Юрка старший лейтенант...

Но его перебили, каждый радостно кричал, втолковывал:

— Всё, всё совпадает! Гагарин, Юрий Алексеевич, родом из Клушина Смоленской области. Он! Наш! Клушинский!

Пробился через толпу председатель колхоза:

— Алексей Иванович! Зайдите в правление. Из горкома партии звонят.

Секретарь горкома сообщил, что звонили из Москвы: просьба всем родным собраться в Гжатске. Горком высылает в деревню машину. Алексей Иванович мысленно прикинул обратный путь, представил, как солнце растопило лёд.

— Не пройдёт машина, — ответил.

— Трактор отрядим. Ждите, — сказал секретарь.

— Ждать я не могу. Пойду навстречу. Товарищ секретарь, я наши дороги знаю. Трактор, того... тоже не скоро подойдёт.

Председатель колхоза дал Алексею Ивановичу лошадь и сопровождающего, верхами они добрались до реки. Обратная дорога была неузнаваема — весна буйно хозяйничала на земле.

Трактор уже ждал за переправой, через пару километров Алексей Иванович пересел в «газик». Домой он приехал изрядно измученный: шутка ли, в его шестьдесят лет разом проделать без отдыха такое путешествие... А в доме уже полно незнакомых людей, корреспондентов...

Поздно вечером секретарь горкома партии распорядился прекратить расспросы, рассадил родных в машины и отправил в городок космонавтов.

Там Алексей Иванович и рассказал жене о своём первом дне. Послушала-послушала Анна Тимофеевна мужа и укорила:

— Твой характер, Алёша, тебя наказал. Подумать даже не решаешься, что дети наши что-то особенное совершить могут. От Трубина мог повернуть назад. А ты: «Не мой сын, не мой сын. Совпадение!»

Муж посмотрел на неё усталыми глазами:

— Лучше что ли было бы, если бы это не наш Юрка полетел, а я уже козырем ходил бы: я — Гагарин, я — Гагарин! Зря, Нюра, меня укоряешь. Что по грязи шагал — трудность небольшая. Нам с тобой и не такое пришлось вынести. А начнём сейчас выставляться — с кого Юре пример брать? Его и так со всех сторон расхваливают, голову закружить могут.

...Мы с Галей уезжали из Гжатска заполночь. Тускловатый свет фар высвечивал дорогу с провалами выбоин, темень гнездилась по обочинам, нависала сверху. Но на душе было светло: человек, которому была отдана всенародная любовь, ни в чём не обманул ожиданий.

...Позже я встречалась с Юрием Алексеевичем, сделала немало статей, бесед с ним и его семьёй. Уже после гибели Героя мы с матерью космонавта создали повести «Слово о сыне» (издательство «Молодая Гвардия»), «Память сердца» (АПН), а к пятидесятилетию полёта в издательстве «Культурная революция» выходит книга «Юрий Гагарин: глазами матери».

Чем более я узнаю о Гагарине, тем более убеждаюсь, что кроме уникальных профессиональных и командирских качеств он обладал неброским, но редким талантом: он был Хорошим Человеком.